26.89(235.55)
T 50

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
указанного здесь срока

2012
31.01

26.89(235.55)
Т 50

«ОТ НАШЕГО КРАЯ—В ШИРОКИЙ МИР»—№ 3
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. Б. А. КЕЛЛЕРА

ВЛ. ТОБОЛЯКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

СОСТАВЛЕНО ПО ДНЕВНИКАМ Б. Н. ГОРОДКОВА, РУКОВОДИВШЕГО ЭКСПЕДИЦИЯМИ АКАДЕМИИ НАУК НА ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

С 17 фотографиями

Государственное учреждение "Национальная библиотека ЯНАО"

-6198-об

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА — 1930

Т50

21 тип. «Мосполиграф».
Москва, Варварка,
Елецкий пер., 7.
Главлит А—56282
Тираж 15.000

Ст. А 148×210 мм. 4 п. л. РУI РП № 874

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уральский хребет, протянувшийся на 2.000 километров, делится на три части: южную — от 50 до 55 параллели, среднюю — между 55 и 61 параллелью и северную — от 61 параллели до Ледовитого океана. Причем часть Северного Урала от 65 параллели до Ледовитого океана носит наименование Полярного Урала.

Честь первого знакомства с сибирскими обитателями принадлежит, как известно, предприимчивым новгородцам, которые уже в XI веке имели с ними торговые сношения.

Можно думать, что в нынешний Обдорский край новгородцы переваливали через Северный Урал, о котором так говорится в одной из летописей:

«В восточной стране есть иная самоядь, зовома Каменьская: облежит около Югорские земли. А живут по горам по высоким, а ездят на оленях и на собаках, а платие носят соболие и оление, а ядь их—мясо оление, да собачину и бобровину сыру едят, а кровь пьют человечу и всяку».

Речь идет, очевидно, об остяках и самоедах, и ныне кочующих по предгорьям Северного Урала.

В 1499 году новгородцами был совершен большой поход за Северный Урал под предводительством князей Курбского, Ушатого и Бражника, начальствовавших над 5.000 устюжан, двинян и вятчан.

Поход этот подробно описан в разрядных книгах. Вот результаты его: «и убили воеводы на Камени самоеди 50 человек и взяли 200 оленей. От Каменн шли неделю до первого

городка Ляпина; всех по та мест шли 4.650 верст. Из Ляпина встретили на оленях Югорские князи, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и поимали 33 городы, да взяли 1.009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Бражник взял 8 городы да 8 голов».

Этот год и считается годом окончательного покорения всей Югорской земли. Югорами же новгородцы называли народы, жившие по обеим сторонам северной части Урала.

До средины прошлого столетия Северный Урал был вообще мало известен. Последующие затем путешествия, хотя и открыли нам эту страну, но не осветили достаточно всех громадных пространств Северного Урала, в частности восточного склона его к северу от 62 параллели.

Поэтому представлялось заманчивой задачей заняться изучением этой обширной территории, оставшейся белым пятном на картах Северного Урала.

В 1924 году Академией наук СССР и Уралпланом для этой цели была организована северо-уральская экспедиция.

Работы экспедиции начались в том же 1924 году в Полярном Урале близ верхнего течения реки Соби.

В 1925 году экспедицией был разведан Полярный Урал в верховьях реки Соби и Войкара.

Заданием третьего года (лето 1926 года) своих работ экспедиция ставила производство ботанических, геологических и зоологических исследований восточного склона Полярного Урала в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина.

Кроме того, конечно, предполагалась съемка и определение астрономических пунктов, необходимых для правильного нанесения на карту полученных топографических материалов.

Руководил третьей экспедицией (как и первыми двумя) Б. Н. Городков. В качестве сотрудников были приглашены: студент Ленинградского университета А. М. Носков (астроном), топограф Уральского геодезического управления А. Ф. Беспалов, аспирант Ленинградского университета А. Ф. Алешков (геолог), В. Б. Сочава (ботаник) и К. К. Фле-

ров (зоолог). Завхозом экспедиции назначили М. И. Гридина. Все это были испытанные люди, а некоторым из них, как Беспалову, Алешкову и Гридину, не впервые доводилось увидеть вершины Полярного Урала.

Нижеследующее описание повествует именно о третьем путешествии северо-уральской экспедиции.

ГЛАВА I

Сотрудникам экспедиции предлагалось выехать из Ленинграда в начале мая с таким расчетом, чтобы попасть в город Тобольск к отходу первого парохода, идущего «на низ», т.-е. в низовья реки Оби.

Но предварительно в январе для устройства трех складов продовольствия в горах и найма оленей для летнего передвижения экспедиции отправляется на Север завхоз.

В городе Тюмени завхоз последний раз слышит паровозные гудки. На следующий день их заменяет позвякивание колокольчика да скрип полозьев кошевы.

В Тобольске завхоз задерживается недолго. Его страшит неудержимо надвигающаяся оттепель. Он с тревогой щурится на яркое солнце и с замиранием сердца взирает на ледяные сосульки, бахромой лепящиеся по карнизам тобольских крыш.

— Весна, весна скоро!..

Завхоз научен горьким опытом своего прошлогоднего предшественника. Этому неудачнику из-за распутицы пришлось бросить на полпути весь экспедиционный обоз.

До села Мужей, куда стремится завхоз, около 1.500 километров однообразной снежной дороги. За Тобольском дорога очень избита, ухабиста, и лошади могут итти только гусем. Сибирские лошади приучены нестись с гор «в мах», и завхоз еле сидит в кошеве, когда кони летят вниз с крутого берега Иртыша на более ровную дорогу по реке.

— Держи, чо-орт, право!—кричит ямщик на встречные бесконечные воза с мороженой рыбой, укрытой рогожами.

— Сам порожнюй, сам и сворачивай!!—орут в ответ рыбаки.

Лошади лезут по грудь в снег, барахтаются, вздымая колючую белую пыль. Кошева становится на «попа».

— Надо вылезать! -кряхтит завхоз и, путаясь в огромной шубе-«запахашке», покидает нагретое место и помогает вытягивать кошеву.

У завхоза путаются ощущения дня и ночи; по дороге он мечтает лишь об одном: когда же мелькнет сквозь разрисованное морозом стекло огонек в окне станка? Тогда, разминая затекшие, точно не свои ноги, пойдет он греться. В руках у него мешок с замерзшими, словно стиповыми пельменями.

— Свари-ка, хозяйка!

Сядет он за стол у дымящегося горшка, а ложка еле будет держаться в его одеревеневших пальцах. Они покраснеют, и иглами начнет покалывать в них потеплевшая кровь..

К селу Мухи завхоз лихо подкатывает в конце марта. Он тотчас же приступает к оборудованию продовольственных баз. На оленях он едет в горы. Летом здесь—болота, комар, и с тяжелым грузом не пробраться никак. Завхоз везет мешки черных сухарей, крепкие сушки, которые не разрубишь и топором, макароны, крупы и сухие фрукты. В жестяных жестянках путешествуют с ним масло, сахар и соль.

Он ставит с помощью эвенк два чума. Один — в верховьях реки Нелькан (приток Кекура), второй — на реке Лаите (приток Сыни).

Он остается в чумах двух охотников-эвенков. Мы [illegible] где живет в Мухах [illegible]. Прощаясь, [illegible] говорит им:

— До июля ждать будете!

И на пальцах показывает пять месяцев.

— Ходно! — отвечают эвенки и остаются в чуме.

[illegible] едет затем в верховья реки Лаита. Но [illegible] в горах масса снега, [illegible]

останавливаясь и падая. На третьем привале проводник-ханты молча смотрит на измученных оленей, шестом-«хореем» меряет по сторонам глубину снега и решает:

— Нельзя ехать! Зарежем оленей. В прошлом году можно было...

Ночь завхоз проводит на снегу, потом возвращается обратно в село Мужи.

Там он идет на радиостанцию, и через день летит в Ленинград телеграмма о первой неудаче.

За ней следуют и другие.

Осенью в Мужах была большая вода. Обь упорно не хотела худеть, и луга долго не могли сбросить холодные волнистые одеяла. Трава погибла почти вся, и весной скот начал падать. Коровенки жалобно мычали в стойлах. Ребра у лошадей выступали все явственней. Ноги их слабели.

Из закупленных для экспедиции лошадей пало уже две.

В начале мая в Ленинград приходит новая телеграмма из села Мужей:

«Академия наук. Северо-уральская экспедиция. Необходим фураж. Вчера сдохла третья лошадь. Крайне необходим фураж. Гридин».

ГЛАВА II

В этом году у сотрудников экспедиции оказалось по четыре весны. Весны были всамделишные, настоящие. С таянием снегов, с первым журчаньем вод, с распусканием деревьев и прилетом птиц.

Первую весну мы встречаем в Ленинграде. В Ледовом порхают скворцы, синеет и трогается Нева. Мы заканчиваем последние сборы. Получаем инструменты и деятельно готовимся к отъезду.

Наконец, седьмого мая мы в поезде. Паровоз гудит — мы едем в Сибирь.

Соседи — обычные вагонные люди. Кто-то укладывается спать и жалуется на жесткость скамеек.

Эх, это что!—говорит старческий голос. А я вот люблю спать, на чем трава растет!..

Мы улыбаемся: нынче и нам все лето придется спать на чем растут трава, мох и лишайники.

За стенкой развертывается картежная игра. Играют, видимо, в бо. Карты кроют с азартом, крепко, слышно, как они шлепают.

Ту-то он ему и сказал: «На мою, мальчик, не то пишь!»—все время повторяет, приговаривает один из игроков.

Под это бормотанье засыпаем. Теперь все успокоились, утихомирились и лишь одна забота гложет нас: ко времени, не опоздав, попасть в Тобольск...

В Тюмени мы покидаем недобрые вагоны. Тюмень — [illegible] провинциальный город.

Административные центры [illegible] теперь [illegible] Свердловск, Омск и Новосибирск. Торговое значение Тюмени невелико. Река Тура, на которой стоит город, мелководна и не допускает плавания глубоко сидящих пароходов. Нередко летом и осенью пароходам приходится привязывать к причалам кормой цепями и канатами, ибо, развернувшись, пароход может лечь носом противоположный берег.

На пароходе мы отправляемся в Тобольск. Над рекой носятся с криками чайки, называемые здесь мартынами. Вскоре мы примечаем первый кедр, вознесшийся у татарских юрт. Он растет около старой мечети, на стенах которой видневются фальшивые окна, обведенные желтыми рамами.

Сутки спустя, 18 мая, мы видим смену вод. Ночью мы прошли Туру, вошли в Тобол, и сейчас квасная, темная вода Тобола вливается в мутные, глинистые воды старого Иртыша (по-татарски Иртыш означает: «река, роющая землю»).

Вдали на высоком берегу громоздятся величавые главы тобольского собора и белеют здания бывших привилегированных мест.

Не упел ли первый обский пароход?—спрашиваем мы у подвизающегося в рубку штурвального в шубе.

— Какое! — на его изъеденном оспой лице появляется улыбка. — Какое! Лед еще в Самарове стоит!

— В Самарове?! Всего четыреста километров от Тобольска?! А мы торопились...

Толпа любопытных тоболяков, созванная пароходным гудком, чернеется на пристанской конторке. Мальчишки выезжают на лодках покачаться на волнах, поднимаемых колесами нашего парохода.

На берегу нас ожидает печальная телеграмма завхоза о бескормице и категорическое требование фуража.

Мы идем говорить с пароходным агентом.

— Сено можно провезти?

— Никак нельзя! — отвечает он, пощелкивая на счетах. Завлекательные пароходные объявления цветут на стенах его кабинета. — Никак нельзя! Обязательное постановление о противопожарных мерах за № 224...

Он, видимо, знаток приказа и наизусть выговаривает его нам. Мы не уходим. Даем агенту телеграмму завхоза. Он, не спеша, читает ее до конца. Даже переворачивает, полагая найти что-нибудь на оборотной стороне ее. Потом кладет телеграмму на стол, хлопает по ней ладошкой и говорит:

— Никак нельзя! Обязательное постановление о противопожарных мерах за № 224...

— Знаем, знаем!.. Но все-таки... [illegible] мы едем с на[illegible] [illegible] целями... — [illegible]ступается геолог, [illegible] [illegible]

И вручает ему удостоверение, [illegible] нам [illegible] наук. Агент читает и [illegible] [illegible] [illegible] бумаги, на которой оно [illegible] [illegible] [illegible] небритую щеку и говорит:

— Ладно уж... Только уж как для науки.

[illegible]

резюмируем мы.

— Сена нельзя, — загадочно твердит аге[illegible] [illegible] хмель можно. [illegible]

— Позвольте?! — возмущается зоолог. — Что у вас лошади—алкоголики, что ли?! Хмелем мы будем кормить лошадей?!

— Нет, вы будете кормить их сеном. Но сено есть сено, а почему бы ему не быть и хмелем?.

Он подмигивает нам и добавляет:

— Только уж как для науки...

Впрочем, пароходство тоже не прогадает. Мы повезем сено по самому высокому хмельному тарифу. Хмеля отправляют на север очень много. Там идет он на пиво, не уступающее по крепости и самогону, который северяне не могут гнать из-за недостатка хлеба. С хмелем расходуется масса сахара, и в прошлом году обдоряне наварили столько пива, что извели весь сахар, нечего в чай было класть, и сахар пришлось спешно доставлять из Мужей.

— Когда же пойдет первый обский пароход? — на прощанье спрашиваем мы у агента.

— Не ранее начала июня!

Итак, мы сидим в Тобольске еще две недели, встречаем здесь [illegible] и знакомимся с этим городом — прежней столицей Сибири...

23 октября 1581 года, в [illegible] осенний день, у подножия высокого берега, при слиянии Иртыша и Тобола [illegible], одна из самых [illegible] Ермака с татарским царевичем Маметкулом.

«[illegible] сечахуся».

[illegible] винщалей.

[illegible]

К вечеру татары отступили, Кучум бежал, и дело кончилось его полным поражением, хотя и казаки потеряли одними убитыми 107 человек.

На месте битвы Ермаком был заложен острог Тобольск. Власть города росла быстро, и в XVI веке Сибирская губерния насчитывала 30 городов и простиралась от Великого Новгорода до восточного берега Камчатки.

С учреждением наместничества в Тобольск прислали царский трон. По этому случаю во многих местах города были выставлены целые жареные быки, с рогами и с вложенными в их пуза жаркими и другими кушаньями. На улицах громоздились бочки водки и пива, в подготовленные кадки било фонтанами виноградное вино. Наместники, стоя на нижней ступени трона, принимали представителей городского общества.

Но уже в XVII веке Тобольск теряет свое торговое и административное значение, превращаясь из столицы Сибири в обыкновенный заброшенный губернский город, а ныне окружной.

Больше всего Тобольск известен как место ссылки. В него ссылали не только людей: Борисом Годуновым был прислан сюда в ссылку карноухий колокол за то, что в него били в набат при убийстве царевича Димитрия. За колоколом следовали пленные из-под Полтавы шведы, в двенадцатом году французы, потом декабристы и польские повстанцы.

Многие из этих ссыльных во время своего пребывания в Тобольске не мало принесли ему пользы. Шведы отвели русло Тобола, прежде подмывавшего высокий берег Иртыша, и основали здесь школу для обучения русских детей. Декабристы оказывали значительные моральные и материальные пособия учащимся и окольным крестьянам. Декабрист бывший штаб-доктор Вольф ни днем, ни ночью не отказывал никому в своей бескорыстной помощи.

Не миновал этой ссылки и последний царь Николай Романов. Теперь в Тобольск ссылают главным образом валютчиков, которые [illegible]

ГЛАВА III

4 июня пароход «Гусихин» медленно отходит от бортов тобольской пристани. Тихо, не спеша, начинают шлепать колеса, пароход дает последний прощальный гудок. С пристани машут платками и шапками. Пенистая дорога стелется позади парохода. Мы совершаем тот же путь, что и наш завхоз зимою.

Минуем единственный город на нашем пути — Березов, место ссылки и смерти бывших властелинов-временщиков Меньшикова и Остермана.

Наконец, на пятые сутки показывается вдали тонкая радиомачта. Низкий обский берег приближается, вырисовываясь все выше и выше. Виднеется крест церкви и ряд избушек на обрывистом берегу. У пристани дымят грузовые пароходы, стоят на приколе баржи. Это караван судов Обь-Иртыша, который из-за льда не может продвинуться дальше. Мы поднимаем воротники. Снег хлопьями кружится около нас и временами совсем скрывает Мужи.

На берегу куча народа, вышедшего встречать первый пассажирский пароход.

— Отдай чалку!—кричит капитан.

— Трави носовую!—вторит ему засыпанный снегом помощник.

— Иван Абрамычу!.. Товарищу Бизину!.. — перекликается берег с пароходом. Сметливый отработанный пар разрывает в клочки разговоры.

Мы видим нашего завхоза. Он сбрил большую рыжую бородой. Он складывает рупором ладони и кричит нам:

— Я, как Меньшиков в ссылке, дожидаюсь здесь вас!

Сброшены трапы. Мы не успеваем еще спуститься в каюты, как нас окружает толпа баб-зырянок.

— Купи туфли! Кисы купи!.. — наперебой навязывают они изделия из оленьих шкур.

Здравствуйте! Как дела? — жмем мы руку завхозу.

— Ничего! — простуженно хрипит он. — Нанял помещение из двух комнат. Пока что.

— А вы похудели,—замечает ему ботаник.

— Еще бы! У них тут форменный голод.

— А как лошади?

— Плохо! Сейчас пасутся на островах. Подъедают прошлогоднюю травенку...

— Мы привезли овес и сено...—шепчет зоолог.

— Ура!—кричит завхоз.

Через час мы выходили с парохода. Теперь надолго! Мы поднимаемся на берег вверх по лестнице. Весь берег забросан навозом, который здесь не имеет цены как удобрение Во дворе наших хозяев валяется какой-то остяк, уткнувшись лицом прямо в грязь.

— Кто это?

— Это остяк Васька! -машет из него рукой хозяйка.— Уже хватил спирта или самогона.

— А где он его достал?

— Да на пароходе. Матросы вроде контрабандой привозят...

Село Мужи -- зырянская столица. Еще недавно главным занятием здешних зырян была торговля. Настоящие тундровые торговцы, они выезжали со своими товарами навстречу кочующим остякам и там под открытым небом производили куплю и продажу. Мужи по-остяцки означает озеро или вообще болотистое место, и это вполне характеризует селение.

Хлебопашеством мужинцы не занимаются; даже картошка вызревает не всегда. Леса вокруг Мужей растут плохо: ель, лиственница и кедр, но он без шишек и рубится на дрова, как и лиственница.

Теперь Мужи очень оживлены: в селе за последние годы заведено радио и электричество. Не так давно более 2 000 километров от Обдорска до Тобольска были обставлены телеграфными столбами. Весеннее половодье часто вырывало с «корнем» десятки столбов, падающие з бурю де

ревья рвали проволоку, приходилось иметь целые партии надсмотрщиков и ремонтных рабочих.

Телеграф хотя остался и ныне, но им уже пользуются только между отдельными селениями. В мужинской избе-читальне стоит громкоговоритель, и зыряне могут слушать московские речи, французские фокстроты и немецкие вальсы.

Вместе с радио пришло в Мужи и электричество. До этого жители крайнего Севера могли его видеть только на проходящих пароходах. Зыряне долго не верили, что им в дома дадут свет по проволоке. Сейчас электричество не вызывает никакого удивления, и даже ближние остяки, заезжая к зырянам в гости, без страха крутят черные выключатели.

Но ни радио, ни электричество не исправили вековой беспримерной мужинской грязи. Мужинские тротуары — ряд досок—мало спасают от нее.

Ах, грязь же у вас! — жалуемся мы хозяину.

— Что поделаешь! — отвечает хозяин. — Весна на дворе! Раз в году ведь бывает!..

— Третья весна,—подсчитываем зато мы.

Кроме весны, мужинскую грязь поддерживает и залегающая неглубокая вечная мерзлота. Метр глубины—и ваш ... тут звякнет [illegible] о землю, вечную, как сталь.

Утром мы открываем совещание. Выслушиваем грустный доклад завхоза.

— Раз не удалось устроить третий продовольственный пункт,—решает руководитель,—придется экспедиции по окончании работ вернуться снова в Мужи, а не в Березов, как предполагалось.

— Сколько времени, по-вашему, надо дать на подкорм лошадям?

— Недели две, не меньше!— говорит завхоз.

К нам входит местный фельдшер.

— Нет ли у вас хины? — поздоровавшись, спрашивает он.—А то малярия досаждает очень.

— Да ведь у вас не имеется зараженных малярией комаров!? — удивляемся мы.

— За последние годы солдаты занесли сюда малярию. Они заразили комаров, а комары передают ее нам... — объяснил он.

Завтра мы перевозим с острова лошадей. Кони настолько слабы, что по земле ступают, точно по льду: у них разъезжаются ноги.

Время в Мужах мы не теряем даром.

Астроном сверяет по радио хронометры, геолог изучает ледниковые отложения, ботаник занимается обследованием лесов, а зоолог стреляет водяных крыс.

Прежде водяная крыса нанесла непоправимый вред хозяйству, поедая в амбарах муку и другие запасы.

В последнее время шкурка водяной крысы вошла в моду для дамских шуб и воротников. Крысу стали усиленно истреблять, и ей не до амбаров и пищи. Хорошо, значит, и мода бывает полезна!

Когда в окрестностях Мужей тает снег, мы выступаем в Урал, разделившись на два отряда. Один, состоящий из руководителя, ботаника, зоолога, астронома и одного рабочего, отправляется пятнадцатого июня на лодке в верховья реки Сыни. Второй отряд в сопровождении геоморфолога, геолога, завхоза и двух рабочих двинется через неделю конной тягой тоже в верховья реки Сыни. Лошади ослабели, истощены, изнурены, они никак не смогли бы везти наше экспедиционное багаж. Они пойдут с легкими вьюками, и только на одних партах потащут маленькую остроносую лодку-резиновую лодочку.

ГЛАВА IV

Наша лодка стоит у берега. Заслуженная лодка, она в прошлом году плавала с нами на Урал. На реке тихо. Обская волна нежно плещется, омывает борта.

Начинаем грузить продовольствие.

— Озойный (непоместительный) какой груз! — говорит наш рабочий-зырянин Филипп Ануфриев, перетаскивая огромные мешки с сухарями. Зоолог бережно укладывает в нос лодки ружье в брезентовом чехле. Ботаник тащит тюки с бумагой для гербариев. Рядом с порохом кладутся крупа и сухари. Лодка недовольно колеблется и еще глубже погружается в воду.

— И самим негде сесть! — говорит Филипп.

Действительно, кажется, некуда будет протянуть ноги: все уголки завалены и забиты тюками.

— Ничего! Утрясемся! Вначале всегда так бывает! — успокаиваем мы себя.

— Не забыли ли чего? — спрашивает зоолог у остающегося на берегу завхоза.

— Нет, все в порядке! Отчаливайте!..

Филипп с трудом покраснев от напряжения, отталкивает лодку, забрасывает причал и, наконец, забирается сам. Гребцы, чтобы не натереть мозолей, надевают на рукояти весел брезентовые рукавицы.

— Надо немного отдохнуть эту историю! — сердится ботаник.—Нельзя грести!

Филипп тоже расчищает себе местечко. Астроном садится за третье весло. Зоолог притулился на носу, держа между колен ружье. Он пока свободен.

Щелканье весел, скрип уключин — и наш корабль медленно начинает подвигаться вперед.

— Стой!— вдруг слышится с берега. Гребцы застывают с поднятыми веслами. По берегу бежит рабочий второго отряда Панкин. В руках у него сверкает что-то

— Соль забыли!!— кричит он на бегу.—Держите банку!

Мы забираем банку с солью.

Солнце стоит на полдне. Мужи плывут мимо. С пароходов с барж смотрят на нас. Бабы машут платками.

— Прощай, Мужи! — смеется Филипп.

Филипп Ануфриев—зырянин. Он второй год ездит с нами в экспедиции. Как почти все зыряне, Филипп имеет

— 6198 —
Государственный Исторический Библиотека СССР

острый, смышленый ум. Панкин—другой рабочий нашей экспедиции, оставшийся во втором отряде — очень хозяйственный, кряжистый сибиряк. Мы наняли его в Тобольске. Дорогой он рассказывал свою жизнь.

— Пошел я в тринадцатом году,—говорил он,—на Дальний Восток. За длинными рублями. Золото рыть... Да... Золото, стало быть, рыть...

Когтистым пальцем он скреб подстриженную бороду и продолжал:

— И как думали бы вы? Нарыл я этого золота, прямо сказать, много. Подошла тут война, а я рою. Мой год давно на позициях сражается, а нас не берут. Мы люди нужные! Приехал я в семнадцатом году в село к себе, и было у меня, прямо сказать, тысяча и семьсот рублей. Все на книжке держал. Ну, думаю, разверну теперича дело...

Он молчит и вздыхая, добавляет:

— А потом, сами знаете, прямо сказать, пошло у нас все широким кверху. Лишился всех я денег. Хотел даже спервоначалу повеситься. К староверам тоже подался. А затем, прямо сказать, и на их плюнул. Так теперь по свету и мыкаюсь...

Мы плывем протоками, где течение совсем слабое. Прибрежные кустарники стоят в воде. Нигде не приметно песчаного берега: все залила Обь, и не скоро войдет она еще в свое русло. На краю горизонта вода кажется сливающейся с небом, а таловые кустарники, висящие в воздухе, создают картину миража. Навстречу едут в лодках зыряне. Мужики сидят на кормах, бабы гребут, мелко погружая весла. Их лодки полны тальником и сухой желто-зеленой травой. Они собирают ее на островах для корма скота. Филипп здоровается и кричит что-то по-своему землякам.

Так тихо, что мы не можем развернуть паруса. Тень от мачты бежит рядом с лодкой. Тень становится все длиннее и длиннее.

Скоро вечер, и мы причаливаем к берегу. Филипп делает из палок таган, разводит огонь. Над костром, сложенным из

сухого тальника, перепачканного в иле, поднимается желтеющее пламя с белым дымком. Чайники закипают.

Поздно вечером мы подплываем к остяцким юртам Зимник Киеват. Юрты состоят из трех изб и стольких же амбаров. На берегу пусто.

— А где же старик со старухой? — всматриваемся мы. В Мужах говорили, что здесь остались старик со старухой.

Летом обычно в юртах никто не живет: остяки уезжают на рыбные промыслы и обитают на обских берегах в берестяных чумах — конусообразных шалашах.

— Никого нет! говорит Филипп.— Испугались они, верно, и убежали! По берегу бродят маленькие брюхатые жеребенки с взлохмаченной шерстью. Какая-то лошаденка, отпущенная летом на волю, глядит на нас, потом фыркает и несется в ужасе прочь в лес.

Мы подтягиваем лодку. Филипп опять разжигает костер, мы идем в избы. В них нет и признака жильцов. Избы небольшие, без потолка, но с крышей. Вдоль стен тянутся нары. Обычно в избушке живут по 2—3 семьи, и каждой отведено свое огороженное стойло. В углу чернеется чувал — род остяцкого камина. Чувал — это переплетенные жерди, на манер [illegible], обмазанные глиной. Дым выходит вверх через широкую трубу. С пола несет сыростью. В одном окне, ближайшем к чувалу, блестят маленькие стеклышки, точно мозаика. Второе окно прикрыто досками.

— В нем, говорит ботаник, вероятно, было ледяное стекло. Раньше зимой, когда лед нарастет, примерно, в четверти метра, остяк выбивает льдину и вставляет ее в оконную раму. Вместо замазки края заливает водой. Ледяные стекла очень мутные, [illegible], и [illegible] льдинка чиста, [illegible] при нем [illegible]. Но вся беда в том, что льдина беспрерывно подтаивает, на ней [illegible]. Его соскабливают ножом, [illegible] скобля [illegible] стекло. Вскоре в льдинке [illegible]

дырка ее затыкают тряпкой, тем самым уменьшая, конечн[illegible] и свет из окна...

Прохладой тянет с Оби. Зоолог, агроном и Филип[illegible] ставят палатку. Ботаник и руководитель, воткнув колышк[illegible] растягивают полога: ситцевые ящики.

Костер ярко горит, взбрызгиваясь искрами. Лодка [illegible]подвижно дремлет на сонной, безбрежной ночью реке. М[illegible] молча сидим вокруг костра.

Тихо.

И вдруг... Вдруг слышится песнь первого комара. Т[illegible] где-то далеко, далеко на повороте гудит пароход.

— Здравствуй, здравствуй, товарищ!—смеемся м[illegible] Приветствуем тебя! Через месяц, мы знаем, ты будеш[illegible] [illegible]шим самым заклятым врагом!

А комар, словно польщенный вниманием, гудит и гу[illegible]

Полярное лето вступает в свои права, оно уже пр[illegible] первых гонцов-трубачей...

ГЛАВА V

Туман стелется над проснувшейся Обью. Солнце [illegible]ное стоит невысоко. Мы свертываем палатку, [illegible] скоро пьем чай и забираемся в лодку. Скам[illegible] покрыты росой.

Идем обширными сорами[1] вдоль матери[illegible] (к[illegible] коренного берега), заросшего [illegible] кедром и [illegible]

Сора сплошь залиты водой. Русло реки [illegible] [illegible]возможно. Зоолог [illegible] в воду [illegible] [illegible]вок, неподвижно лежит на воде.

Никакого течения!

В воде виднеются обширные [illegible] [illegible]к тянется [illegible] воды, обр[illegible] [illegible]

[1] [illegible] топкие берега их богаты травянистой растительностью.

[illegible]
серебряной кольчугой-чешуей.

[illegible]

Устье р. Сыни. Направо виден сор

Уже вечер. У края высокого берега, среди бесконечных [illegible] гарей, вырисовывается промысловая зырянская избушка. Здесь осенью зыряне ловят рыбу и рубят лес.

Мы подваливаем к берегу. Все вокруг заброшено [illegible]. Кое-где виднеются остатки рыбьей чешуи и [illegible] на стружках кровь. Сама избушка, в роде бани «по-черному», насквозь закопчена дымом.

[illegible] располагаемся на берегу и варим кашу. Опять костер, опять поют комары. Их уже больше.

Спускается незаметная ночь. Серая ночь, похожая на ранний вечер. По Сыне мимо плывут лодки остяков. Доносятся всплескивания весел и тихий остяцкий разговор. Остяки едут с верхних юрт на обские промыслы. Их влекут к себе сора, где скапливается множество сиговой рыбы. Здесь в сорах рыба питается, готовясь к трудному подъему вверх по Оби к местам нереста (метания икры). Лов в этих сорах производится все лето сетями, так называемыми поплесводами.

Осенью, когда вода в сорах «дрогнет», т. е. пойдет на убыль, вся масса рыбы огромные серебряные биссаны и толпы идут в реку, чтобы направиться далее вверх.

Тогда остяки ставят сети в протоках, перегораживают самые выходы из сора и добывают этим путем груды рыбы.

Под утро сквозь сон мы слышим чьи-то голоса и [illegible]. Мы выскакиваем из своих логовищ. Финнин разговаривает с тремя зырянами. Их лодка остановилась рядом с нашей.

— Кто это?

— Мужинцы! — отвечает Финнин. — [illegible] бить лес.

Зыряне здороваются с нами. Каждый достает из [illegible] ему ржаной сухарь и подмигивает уже нам.

Днем мы снова плетемся по широкой [illegible]. На пути сплошь и рядом встречаются остяцкие [illegible]. Попутный ветер и благоприятное течение. Смело [illegible] паруса вьются около мачт.

Их огромные лодки, крытые берестой, [illegible]. Любопытные остяки отделяются от каравана и мчатся к нам на маленьких душегубках. Подвернув [illegible] они ловко гребут одним веслом.

— Куда едете? — спрашивают они нас.

— На Урал!

— О, о, о! — говорят они. — Месяца два проедете меньше!

— Неужели два месяца? — удивляемся мы, еще [illegible] нажимая на весла.

Солнце печет сильно. Астроном, гребший без рубашки, сразу же сжигает себе спину.

— Попробуем бечевой!—решаем мы.

Короткая стоянка у берега. Разматываем бечеву. Веревка прикрепляется к корме. Оттуда она пропускается через отверстие в верхнем мачты и пристегивается подвижной метровой бечевкой к носу лодки.

Филипп и ботаник вцепляются в бечеву. Бечевник (так называется берег, по которому идут бурлаки) очень плох. Почти все время приходится брести по колена в воде. Сапоги намокают и кажутся чугунными.

— Сейчас порт Земляные! Уже избы мелькают! объявляет кормовщик.

Мы отдыхаем в обезлюдевших юртах.

В ближайшем березово-кедровом лесу находится остяцкое моленное. На одном из кряжистых кедров поставлена едва видимая в тени лиственная коробка. Она пуста. Идолов остяки увезли с собою на промыслы. На ветвях развешаны красные, белые, черные и зеленые тряпки, выцветшие от дождей.

Около, на земле, виднеются круги кострищ. Выше на деревьях бечевой перевязаны деревянные олени, вырезанные ветрами. Здесь остяки благодарят бога, приносят ему в жертву оленей и с ним потом следуют их мысли. Особенно много колют оленей перед отправкой на промыслы. Рядом — безмятежный покой кладбища.

Над могилами возвышаются срубы с покатыми крышами, деревянные или металлические. Они покрыты корой березы. У могил валяются ржавые чайники, ведра, кружки, ложки.

Это для мертвых!

Внизу течет зеленая [illegible]ая Сыня. Наша лодка покачивается на волнах. Ветер дует сильнее и разносит по земле дым от костра.

— Куда ехать? осматривается ботаник.—Ветер противный. На реке волны с барашками!

— Разве, что сорами пойдем!—говорит зоолог.—Там тише!

— Через десять километров юрты Ям-горт! —говорит руководитель, взглянув на карту.

Вечереет. Мы плывем сорами. Вдали на высоком берегу темнеет мыс, за которым должны быть юрты Ям-горт.

— Пора переваливать к юртам!—говорит Филипп.

Рулевой подгребает, лодка медленно погорачивается

Вдруг лодка останавливается. Весла достают дно.

Кустарники, что стоят перед глазами, залиты водой. Где-то здесь должен быть проток, соединяющий сор с рекой

Филипп лезет в воду и пробует столкнуть лодку обратно. Мы помогаем ему веслами.

Лодка, шурша днищем, сползает обратно в глубину сора.

— Держите между тех кустов!– советует один

— По-моему, между этих, — не отстает другой.

Пробуем и так и этак, но все же лодка садится на

Значит, мы опять не попадаем в проток.

Мотаемся в лодке. Метались, [illegible] Отделенными водной каймой, невдалеке белеется крутой берег Сыни.

— Эх,—вздыхает Филипп. — Надо [illegible] Тогда лодка пройдет по мелкому!

Мы грузим на себя вещи и [illegible] Сыни. Облегченную лодку [illegible] каменная Сыни, наконец-то, раскрывается перед [illegible] ние гребцы отлично работают [illegible] к юртам Ям-горт.

— Смотрите, первый сосна! — [illegible] ботаник.

Еще бы! -поддерживает зоолог. — Нет, мы [illegible] мы шли только на юг!

Лодка мягко врезается в прибрежный [illegible]

— Да здравствует чай!

Мы выскакиваем на берег и, кряхтя, с трудом начинаем стягивать сапоги, в которых еще булькает соровая теплая вода...

ГЛАВА VI

20 июня начинает сказываться близость Урала. Правда, несмотря на все наши усилия, мы не видели еще его заветных вершин, но берега Сыни уже усыпаны галькой и валунами, принесенными сюда с Урала льдом. Иногда галька так хорошо уложена домовитой хозяйкой-природой, что напоминает отличную булыжную мостовую.

На остановках по-старому варим чай и кашу. Водяной дичи нет совсем: ей негде селиться здесь на каменистых берегах.

Так доплываем до юрт Ов-горт, в которых расположена фактория Госторга. Зимой в юртах живут три остяцкие

Остяки в юртах Ов-горт.

семьи и две зырянские. Последние поселились всего четыре года назад, покинув родные Мужи.

Нынче это делается просто: каждый может жить там, где он хочет. Прежде же зыряне и русские водкой и деньгами должны были испрашивать разрешение на места у вотчинников-остяков.

В юртах Ов-горт зыряне сразу энергично взялись за дело. Они завели себе коров, о которых остяки и не думали. Уже разбили площадь для огорода.

Большинство населения юрт Ов-горт, как и везде, уехало на рыбные промыслы. Осталась лишь одна остяцкая и одна зырянская семьи. Около сотни их оленей пасутся на болоте. В комариное время олени пригоняют на берег, где выстроена крытая загородка для дымокура. Сторожа разводят у загородки костер и заваливают его тряпьем и мохом. Густой желтый дым поднимается вверх. Олени сами лезут в дым, чтобы только избавиться от нестерпимых комариных укусов.

Сразу за юртами Сыня резко поворачивает на [illegible]. Она суживается до двухсот метров. Плыть против течения труднее и труднее.

В следующих юртах Ай-ваш-горт мы берем в дорогу у остяка Алексея маленькую лодку. Остяк крайне [illegible]. Он не понимает по-русски, и одному финну долго приходится торговаться и уговаривать его, расточая свое [illegible] ское красноречие.

— Ну, ладно! Пятнадцать рублей и оленя довезу, — наконец, решает остяк и ударяет по рукам.

Он передает нам лодку и прячет в карман [illegible]. Остяцкая лодка делается так. Вырубают [illegible] прямо из дерева плаху, долбят ее узким полукруглым [illegible] ром, заостряют концы и кладут в воду. Чтобы дать [illegible] округленную форму, ставят в середину две палки и [illegible] степенно стягивают концы. Затем прибивают к [illegible] вым корнем две доски и смолят, собирая смолу [illegible] ревьев и нагревая ее на огне.

Теперь сзади нас плетется на буксире и маленькая остяцкая лодочка—новый член нашей экспедиции.

На берегах то и дело попадаются ловушки для лесной птицы, которая очень любит полоскаться в песке.

Утром двадцать второго отправляемся на ближайший материк, близ обрыва которого еще вчера издали мы приметили развешенные оленьи шкуры.

Остяк починяет лодку.

Их не меньше двух десятков. Бедные остяки! Они [illegible] лись на жертвы. Ведь каждая шкура стоит около 15 руб.

Здесь же стоят воткнутые в землю срубленные [illegible] и на них, [illegible] на роскошной елке, болтаются новые тряпочки со старыми деньгами.

Монеты преимущественно царские. Пяти-, трехрублевки [illegible] достоинства. Встречаются и медные, [illegible] Остяки считают, что царские деньги более угодны богу. А скорее просто следуют пословице: «На тебе, боже, что мне не гоже».

ГЛАВА VII

Чувствуется могучее дыхание Севера: на берегах среди кустарников иногда, точно брызги известки, белеют весенние, еще не растаявшие льдинки. Река шириною всего сто метров. Вода, в зависимости от горных потоков, то спадает, то стремительно прибывает вновь. Красавца-кедра уже не видно. Он исчезает и теряется среди еловых лесов.

Начинаются каменистые косы. Течение очень сильное. Местами едва можем тащить лодку. Бурлаки поминутно останавливаются. Зоолог, тащивший бечеву, упал сегодня на галечный бечевник и повредил ногу. Около носа лодки злобно журчит вода.

Иногда прямо в реку сходит с берега широкая просека. Это — зимник на большое зырянское селение Саран-паул, что на реке Ляпине.

Двадцать шестого июня пристаем к юртам Еврей-горт — последнему селению на Сыне.

Юрты расположены на высоком берегу. Поднявшись на берег, мы впервые, наконец, созерцаем далекие вершины Урала, покрытые снежными полосами.

— Ура!

Из-за астронома весь день не трогаемся с места. Астроному подобен сильному течению — и гонит наш ход. Ему требуются звезды, но звезд нет, так как ночь серая, светлая. Замзвезды — солнце, но и оно, как нарочно в июне, почти всегда часто бывает закрыто сплошными облаками.

Осматриваем юрты Еврей-горт. Они необитаемы и имеют так же, как и соседние селения.

Около избушек с деревянными крышами, заставленными хлебными досками, стоят перевернутые нарты и большая лодка, на которой уже нельзя подняться выше Еврей-горт по Сыне. Здесь же торчат морды и гимы для рыбной ловли. Они конической формы из лиственничного дранья, очень плотно и прочно перевязанного кедровыми корнями.

на бревешках.

По наблюдениям [illegible] по деревьям, а просто надеты на жерди.

Сразу за юртами начинается перекат.

Еще недавно [illegible] воды.

Остяцкий дом в юртах Еврей—горт

[illegible] и их ветви.

В Сухой Сыне, как нарочно, можем постоянно. На перекатах бечева становится бессильной. Мы выскакиваем из лодки и, ухватившись за борта и уключины, помогаем бурлакам вытянуть лодку. Камни царапают лодочное дно. Негодующая вода струится меж ног, стараясь повалить нас.

Днем первого июля приключается несчастье. Когда бурлаки, низко согнувшись, тащили бечеву, вдруг позади, за их спинами слышится ужасный крик кормовщика:

— Бросай бечеву!!

Они оглядываются и видят, что порвалась перемычка и бечева тянет вниз мачту и накреняет лодку.

— Бросай!..

Освобожденная лодка выпрямляется и несется вниз. За ней змеится по воде бечева... Едва удается задержаться в кустах, спустившись сразу на полкилометра. Привязываем перемычку и снова, напрягая последние уже усилия, лезем упрямо вперед и вперед...

До Урала всего километров восемь. Точно грозовые облака, темнеют его вершины. Появляются горные растения и медвежьи следы. Перекаты превращаются в губительные пороги. Мелкие коварные камни глядят своими гладко отесанными вершинами из-под воды. Зеленая, бутылочного цвета вода, пенясь, неистовствует вокруг них и нашей лодки.

Вечером второго июля приходим к устью реки Лапыль. Здесь Сыня сильно мелеет и распадается на несколько русел. Вдали чернеют большие камни, обогнуть которые совершенно невозможно.

Надо переваливать на другой берег! Но как? На веслах переехать нет сил. Мы не успеем и глазом моргнуть, как лодка стремительно отнесется назад мощным, неодолимым течением.

Решаем, придерживая лодку бечевой, перетащить ее на ту сторону.

— Пошли!

Зоолог с руководителем и рабочим сидят в лодке, остальные, осторожно выпуская бечеву, стоят на берегу, крепко опершись о камни ногами.

Вода бьется около лодки, весла скрываются в водяных брызгах. Лодка приближается к заветному берегу, но вдруг течением ее снова выталкивает на середину реки.

— Ладно!—кричит зоолог.—Попробуем еще раз! Я выскочу у берега и удержу лодку руками!..

Опять бурлаки цедят меж ладоней бечеву, опять идет лодка к желанному берегу. Вот уже остается до него шагов пять, вот, кажется, можно уцепиться руками за прибрежный кустарник...

— Скачите!!

Зоолог бросается в воду, хватается за уключину.. Но всесильный порыв течения вырывает лодку из рук зоолога и он, распластавшись, падает в воду.

— Так ничего не выйдет! —говорит Филипп.—Чуть человека не утопили. Надо бечеву на маленькой лодочке на тот берег завести, а потом уже подтягивать на ней лодку!..

Так мы и делаем.

В этом дерюго достающемся нам берегу находим довольно глубокую и тихую, без всякого течения курью. Вода в ней черная и теплая. Отсюда пойдем прямо уже на Полярный Урал, оставив здесь до осени лодку и собранные на Сыне коллекции.

Прежде всего принимаемся за устройство склада. На холме среди леса, на лиственничной вершине мы стелем доски, а на них аккуратно складываем часть продовольствия на обратный путь, гербарии, зоосборы и снятые фотографические пластинки. Все это покрываем, конечно, брезентами.

— А вдруг медведь?! — закрадывается у нас тревожная мысль.

Филипп ныкает вокруг кучи палки и обвязывает их веревками.

— Так хорошо!—говорит он.—Медведь подумает, что это ловушка!

До вечера стираем белье и сушим его на ярком, жарком солнце. Кругом тихо. На курье ни рябинки, и только невдалеке днем и ночью, не уставая, цепной собакой ворчит Сыня... Точно где-то шумит от ветра могучий лес.

ГЛАВА VIII

Утром четвертого июля руководитель с зырянином-рабочим отправляется на розыски чумов экспедиции. Путешественники не отягощают себя багажом. Высокие сапоги, заплечные мешки с сухарями, с сахаром и чаем. На зырянине одет из верблюжьей шерсти суконный совик: короткий, по колена, мешок с рукавами и с колпаком на голове. Руководитель обрядился в полушубок.

— Ну, Филипп,—говорит руководитель,—веди к чумам. Ты помнишь дорогу?

— Нет. Откуда мне ее знать?—удивляется Филипп.

— Постой—не менее поражается руководитель—Неужель ты ездил с завхозом зимой ставить чумы?!

Филипп отрицательно качает головой. Совсем нет. Он и не думал ездить. Впрочем...

— Зырянин — лесной человек, — гордо говорит Филипп. — Зырянин в лесу дорогу даже без звезд всегда найдет. Идем!

Найдет, не найдет, но отправляться надо, и руководитель покидает тихую курью, попрощавшись с оставшимися спутниками.

— До свиданья! Через несколько дней пришлем вам лошадей!..

Мы выбираем направление и идем по мерзлым болотам, поднимаясь по склонам гор. Час спустя останавливаемся и смотрим назад, на пройденный путь, на восток.

На буром фоне торфяников побеспокивают осколки овальных озер, кое-где рисуются темные зеленые пятна

лесов. Только около Сыни леса плотно смыкаются и крепко опоясывают ее зеленым кушаком...

Оглянувшись на запад, мы видим широкую долину между Большим и Малым Уралом. В ней нет густых лесов, мелкие разбросанные лиственницы заменяют их. За долиной поднимается величественный Полярный Урал — цель нашего пути. Он холмист, с высокими, тоже безлесными горами желто-бурого цвета. По краю долины молчаливыми стражами чернеют усеченные пики габбровых гор.

Вскоре начинаем подниматься по очень пологому склону горы. Под ногами песок и глина. На горах лес низкий. Деревья флагообразны: их ветви растут только с одной противоположной стороны; вторая голая, обезображенная морозом и ветром. Несущийся снег гладко полирует безветвистые стволы. Даже кедры и те угнетены ветрами и жалко стелются вдоль земли, не осмеливаясь поднять своих вершин.

Вскоре взбираемся на седловину между двумя невысокими безлесными вершинами и видим на западе обширную высокую долину, огражденную темными горами.

Тщательно ее осматриваем в бинокль, надеясь найти там наш чум или хотя бы чумы оленеводов. Напрасные усилия!

Порой чернеются только старые чумовища да свежие следы недавно прошедших оленей.

— Надо итти дальше!—решаем мы. Ко второму чуму, что на реке Нельке!

До него еще километров 30. Путь усеян острыми камнями, больно режущими ноги.

Наконец, в болотце, окруженном чащей ольховника, нам мигает белеющий чум.

— Скорей! Скорей!..

Мы продираемся сквозь кусты. Ветки больно хлещут по лицу.

— Что-то не лают собаки?—удивляется Филипп.

— Да и дома нет,— говорит руководитель, останавливаясь и тяжело переводя дыхание.

Ускоряем шаги, подбегаем к чуму. Он забит продовольствием, но людей в нем нет никого! Только следы наших кованных лошадей указывают на недавнее пребывание здесь конной партии экспедиции.

Ноги болят, до крови стерты пятки. Ночуем в чуме Приятная слабость охватывает все тело. Утром устанавливаем по следам, что экспедиция ушла на север. Двигаемся за ними и мы. На вершинах гор появляются шесты с белыми флагами. Это вехи топографа. Они разбросаны через 5–7 километров друг от друга Мы идем среди камней по обесснеженной тундре. Но кое-где в лесах задержался еще снег, и ступать по нему очень хорошо. Снег плотный, крепко прибитый ветром: даже следы на нем не всегда отпечатываются. Деревья, растущие среди снега, зеленеют и окружены подтаявшим кольцом у основания. Лиственница распространяет вокруг себя приятный, слегка горьковатый запах, напоминающий благоухание апельсинов..

Часто приходится снимать брюки разворачивать портянки и, сунув голые ноги в сапоги, переходить ручьи и речки с быстротекущей ледяной водой. Дно речек усеяно острыми камнями, и бродить по ним босыми ногами, конечно, невозможно никак.

Вехи попрежнему виднеются слева от нас.

Близ реки Погурей встречаем лошадей, но не видим самого лагеря. Бинокль не нащупывает палаток.

— Где же лагерь?!

На берегу брошены палки.

— Вероятно лошади убежали,—думаем мы – И вернулись на вчерашние, старые места.

Уставшие, обессиленные мы тащимся вперед. Проидя километров шесть к северу, натыкаемся прямо на веху Около нее—вещи: чайник и мешок с резиновым пальто.

— Это топографа!—узнаем мы.

Останавливаемся и разводим костер. Все найденные нами без труда, горит слабо, более дымит. Над головами гудят комары. Федя завертывается в совик с голо-

зон. Руководитель, отчаянно ругаясь, пробует приспособить полушубок, но он слишком короток; тогда руководитель снимает рубаху, надевает ее задом наперед на лицо и, скорчившись, засыпает, дрожа от холода.

Под утро что-то теплое тыкается ему в лицо. Он вскакивает и видит перед собой мохнатую остяцкую собаку.

В это время подъезжают верхами топограф и трое рабочих с инструментами.

— Что вы здесь делаете? — в крайнем изумлении спрашивает топограф.

Верхом в горах. На голове одет накомарник.

— Да вот любуемся [illegible] гидрографами, — смеется руководитель.— А где же лагерь? Мы его не могли разглядеть!

— Он остался позади. Ветер сорвал вчера палатки и их перенесло в лес. Садитесь! Поедемте в лагерь!

Едва успеваем добраться до лагеря, как поднимается холодный ветер с дождем. Горы покрываются [illegible]

облаками" на них разыгрывается настоящая метель. Ветер крепчает и сотрясает нашу палатку. Руководитель выслушивает рассказ геолога о путешествии конной партии.

ГЛАВА IX

Из Мужей конная партия выступила 10 июня. Двенадцать лошадей составляли ее караван. Одна лошадь была впряжена в остяцкие нарты (сани) с лодкой. Остальные шли под легкими вьюками. Первое затруднение встретилось тотчас же за Мужами. Это была илистая речка, перебрести которую было нельзя. Пришлось обводить лошадей кругом, а груз перевозить на лодке.

Путь вначале был очень хорош. Это — зимник, мало болотистый и вообще менее грязный, чем мужицкие улицы.

За Мужами поднялись на холмы — древние морены уральских ледников. На одной из гряд стоял восьмиконечный старинный крест, исписанный фамилиями. Зыряне любят ставить кресты, опоясывая их прочными оградами.

Скоро зимник кончился. Партия пошла по болотам, заросшим кустарниками. Приходилось переходить глубокие по грудь реки. Сучья кустарников цеплялись за вьюки. Переднюю лошадь вели под уздцы, остальные гуськом следовали друг за другом.

Лошади выказали свои характеры. Одна, рыжая, никогда и ни в каком случае не уступала своего второго места. Другая, сивая, бывшая кавалерийская, любила отбегать в стороны, чтобы полакомиться не совсем еще распустившейся травой. Некоторые не выносили брякающего груза, и на них нельзя было навешивать чайники и кастрюли.

Чем дальше, тем дорога делалась хуже. Уставшие плохо отформленные лошади завязали в илистых речках. Их приходилось вытаскивать веревками.

Наконец, добрались до первого чума. Здесь завхоз и рабочие свернули чум и решили перебросить его к реке Лапте на более удобное место. Топограф же и геолог

остальными рабочими и лошадьми отправились к р. Нельке и дальше на север к реке Пыгурею, где и остановились для работы.

8 июля Филипп, немного отдохнувши, едет верхом на лошади к завхозу на р. Лапту, чтобы известить его, где находится руководитель и где остановилась лодочная пар-

Вершина габбровой горы.

тия. Завхоз должен был забрать всех членов лодочной партии и доставить их в горы.

Между тем руководитель отправляется первой экскурсией в горы.

Он видит, как из каймой темно-серых габбровых, слабо [illegible] выделяются перидотитовые горы, покрытые желто-бурой коркой, [illegible] Зыряне даже называют их [illegible], что значит — красные горы.

[illegible] высокие [illegible]

ложами древних ледников — и карами. Кары представляют собой котловины на вершинах гор. Котловины наполнены только снегом. Прежде именно в карах образовывались ледники. Снег наслаивался, обращался в лед, затем страшные, неумолимые ледяные языки показывались с кар и медленно, медленно сползали вниз, все сокрушая на своем пути.

Руководитель смотрит на герд-из, на красные горы, и думает:

— Какие богатства скрывают они?!

Перидотитовые породы являются вернейшим спутником платины.

Северо-уральская экспедиция привезла в прошлом году образцы шлихов. Наличие платины в них было подтверждено, но трудность разработки остановила Уралплатину от от дальнейших шагов.

А вот пройдет еще десяток лет, доберется и до герд-из человек, застучат здесь машины, задымят трубы, и герд-изам, кряхтя по-стариковски, придется раскрыть свою мошну, наполненную драгоценной платиной.

Долина реки Погурей, на которой стоит лагерь, замыкается высокими, зубчатыми горами, в настоящее время покрытыми снегом, выпавшим вчера. Вообще все [illegible] западного склона Урала сверкают от снега, в то время как на восточном он уже стаял. Горы имеют [illegible] лишайников и мхов. Это было бы хорошо для оленей, но по склонам дуют ветры такой страшной силы, что [illegible] несколько дней пережидают, когда утихнет [illegible]. Иначе он даже может перевернуть нарты.

Растительность высоких гор, где снег [illegible] была в полном цвету. Среди темно-зеленых [illegible] восьмилепестные звездочки дриад. Розовые [illegible] полярных цветов [illegible], смолевок [illegible].

И все это замыкается огромными полями [illegible] лишайников и мхов.

Стоит четвертая полярная весна!

кажется, колеблется.

— Попытаюсь в последний раз!!

зули не оказалось.

на смарку?!

но все-таки...

Седлайте лошадей!..

недавно руководитель с Филиппом. Они ночуют в чуме на реке Нельке, переваливают водораздел Войкара и Сыни. Комары преследуют путешественников. Они не дают отдыха и лошадям. Бедные измученные животные не могут ни минуты постоять на месте. Укусы комаров невыносимы!..

Путешественники взбираются на горы, смотрят в бинокль, надеясь увидеть палатки базы. Пусто и безлюдно вокруг. Только маячат горы, перерезанные широкими долинами.

С трудом путешественники переходят реку Лапту. Насекомые, голодные, бредут уже наугад. Вдруг передние замечают на земле лошадиные следы.

Какая радость!..

Лошадей в Урале нет, значит, наши лошади здесь проходили, значит, близко где-то желанная база...

Так оно и случилось... Но на базе нет людей.

Стоит большая палатка, в лесу поблизости — маленькая. Здесь же построена зырянская баня. Большой склад продовольствия покрыт брезентом. Завхоз, устроив базу, очевидно, уже уехал к лодочной партии.

ГЛАВА X

Вечером следующего дня, т.-е. 11 июля, на базу прибывают завхоз и лодочная партия.

Нужно скорее начать съемку и определение астрономических пунктов, чтобы отправиться дальше к северу.

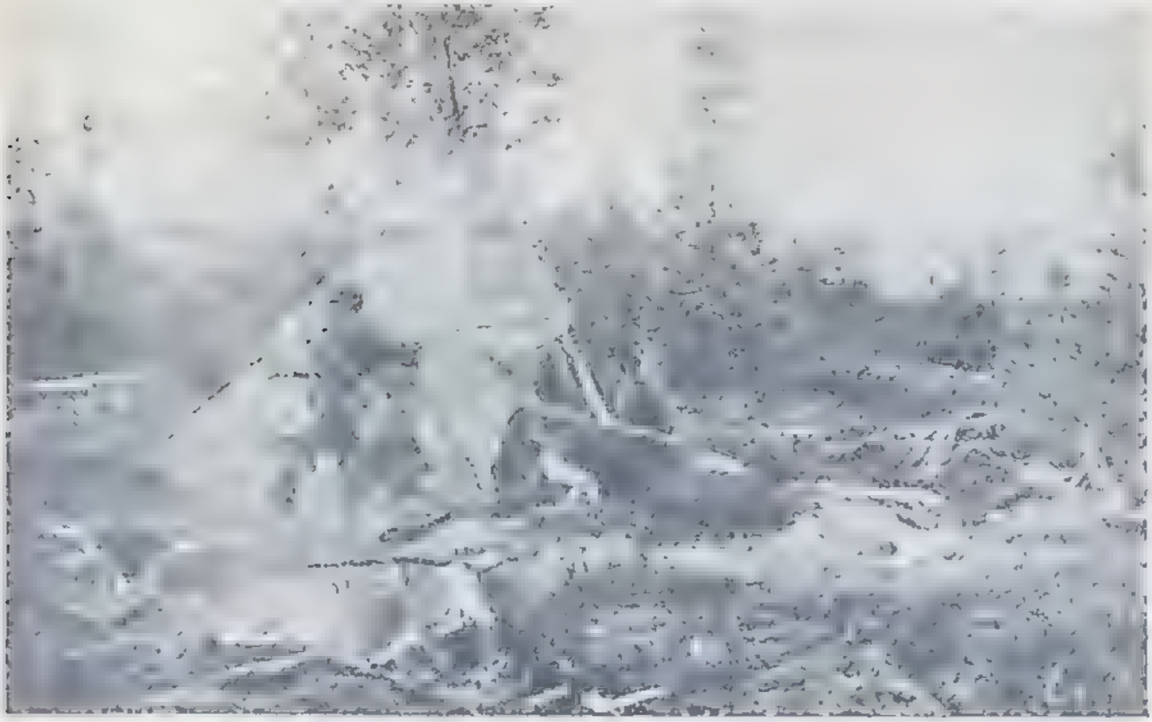
Время идет! Уже ведь половина июля. Надо торопиться! Расстаться с Полярным Уралом возможно не ранее сентября.

Пока распределяем продовольствие, так как часть его следует оставить на базе, и моемся в бане, устроенной по-зырянски.

Эта баня устанавливается в полчаса, если под рукой имеются камни и кустарники. Из камней складывается каменка. Над ней делается невысокий шалаш из жердей или прутьев. В каменке разводится костер и, когда камни рас-

калятся и огонь сам по себе потухнет, жерди покрывают какой-нибудь мягкой рухлядью: пальто, брезентами и т. д.

На каменку поддается горячая вода, пар рвется из шалаша. Баня готова, ломайте березовый веник и идите полоскаться, захватив холодной и горячей воды. Мыться можно, не боясь комаров. Влетев, они моментально дохнут, падая замертво на землю. На воздухе между тем их появилась несметная сила. Уже нельзя ходить без сеток, а чаепитие постоянно отравляется комарами, нахальными и наглыми до смерти.



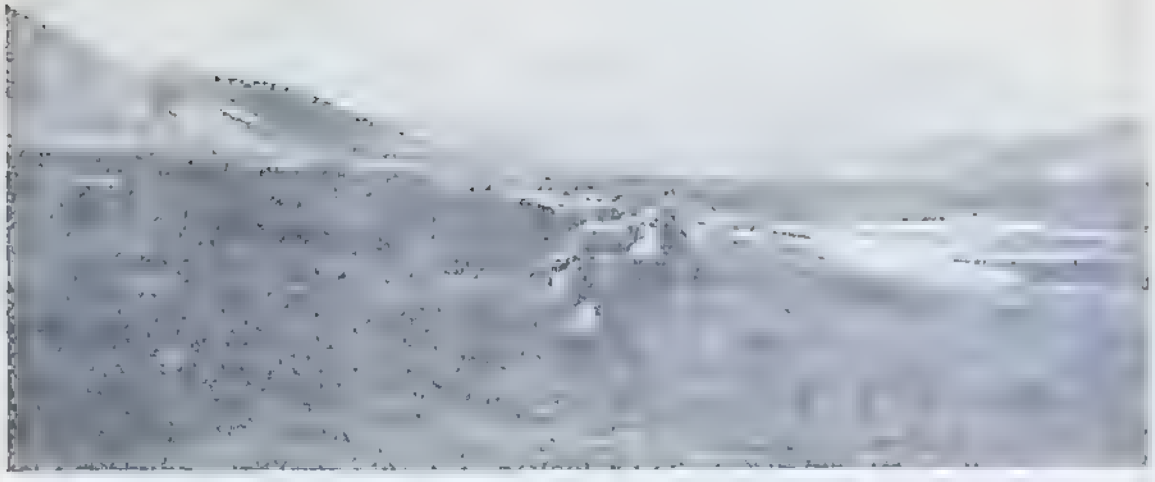
Зырянская баня.

Отсюда покидаем базу и на десяти лошадях двигаемся в третий раз вверх по долине реки Лапты. На базе остается лишь зоолог. Ему нет необходимости в переездах. [illegible] ходит и ставит свои мышеловки на полевок. [illegible] служат сало, сушеные фрукты. Птиц он бьет из ружья.

В дороге продолжаются мученья с лошадьми. Комары окончательно заедают их. Хорошо, если дует хотя легкий ветерок.

Ночами лошадей отправляем на волю. Вначале их «путали», но из боязни, что в камнях они поломают себе ноги, отпускаем теперь свободными. Порой за ночь они убегают далеко, и утрами их всегда приходится искать по следам и высматривать с гор.

Идем очень медленно: километров 10—15 в день.



Перевал Кокшала.

По пути заходим в неубранный аборигенами чум к р. Нельке.

Береста, которой покрыт он, прекрасно сохраняется. Вообще береста употребляется у остяков и всеми народами Севера. Остяки и зыряне, содрав, проваривают ее в золе, затем сшивают в два-три слоя и сверлявят трубками.

В чуме оставляем для работ ботаника, а сами продолжаем двигаться дальше к долине реки Тумбуссон.

21 июля задерживаемся из-за дождей. Горы затянуты туманом. Он спускается вниз до палаток. Рабочие спят. Мы пишем дневники и наблюдаем, как рождаются облака.

Около палаток лежит снег. Он начинает куриться, над ним образуется туман. Вскоре он отрывается и лепится к тем клочьям, что окутывают горы. Гор не видно, они сплошь закрыты облаками, и кажется, что мы стоим на плоской равнине.

Чум остяка в горах.

21 июля руководитель с завхозом и одним ра[illegible] [illegible]четырех лошадях выступают по перевалу Кокпала на [illegible]ный склон Полярного Урала.

По этому перевалу проходит довольно наезженная [illegible] [illegible]неводов. Тундра здесь сильно истоптана оленями [illegible] [illegible]менты валяются повсюду.

Близ одного бывшего чума земля смешана [illegible] до грязи, в близлежащих лесках все кустарники обгрызены [illegible]нями.

Невдалеке от нас по реке Кокпала на склоне гор стоят оленеводы с двумя чумами. Это — первые люди, встреченные нами на Урале!

Подъезжаем к ним. Собаки лаем встречают нас, но не кусаются. Мальчишка убегает в чум; две остячки, покрывшись платками, выглядывают из него.

К сожалению, наш разговор короток, так как остяк не понимает по-русски, а Филиппа нет. Остяк долго ходит вокруг нас и, удивленно усмехаясь, показывает пальцами на лошадей. Это его поразило более всего: лошадей он видит очень редко. Этот остяк пришел из юрт Ям-горт, которые мы проезжали на Сыне. Спасается от комаров. Осенью, когда выпадет снег, он вернется обратно в юрты. Здесь ничего не делает. Олени — его рента. Они сами по себе пасутся [illegible] горе. Только, когда они объедают вокруг все лишайники и травы, остяк снимет чум и двинется следом за оленями.

Мы поднимаемся на перевал, и уже реки Печорского бассейна текут перед нашими глазами. Итак, мы перекочевали в Европу!

Сильно отличаются между собою восточный и западный склоны Полярного Урала. Первый — с более резким рельефом, глубокими долинами и многочисленными [illegible]. Второй же имеет вид обширной слабо всхолмленной [illegible] страны, горы которой весьма пологи, с широкими плоскими долинами. Лишь далее к западу склоны немного круче. Западный склон, насколько видно в бинокль, [illegible] безлесен. Даже ольховник встречается только небольшими группами. Зимних кормов для оленей — лишайников — [illegible] не видно. Нередки среди кустарников [illegible]. Все говорят о полном лежании [illegible] нем сходе.

Выбираем место для стоянки. Это довольно трудно! Негде поставить палатку и совсем нечем подогреть чай. Мы собираем сухие веточки ивняка. Невдалеке примечаем сухую горку, идем туда, на этом месте в 100 метрах от нас чернеется какая-то туша.

— Лошадь!—восклицает завхоз.

— Да чья же?!— недоумеваем мы, приближаясь к лошади.

И вдруг ясно различаем, что это не лошадь, а большой медведь! Он не смотрит на нас и бродит взад и вперед, выискивая полевок, напоминающих короткохвостых мышей.

Он бегает на четвереньках и срывает дерн, под которым скрываются полевки. Вероятно, медведь из-за комаров поднялся так высоко в горы. Его и сейчас еще донимают они. Он обтирает лапами морду, катается и трется мордой о землю. Наши кони пока спокойно стоят и равнодушно смотрят на медведя. Соскакиваем с лошадей.

— Надо сбросить вьюки,— шепчет завхоз,— а то лошади учуют его и могут понестись. Пашкин, отверни им головы.

Молча созерцаем медведя. Ружья у нас нет, мы не взяли его, чтобы не отягощать вьюков. Сетки для гербария в научной экспедиции бывают важнее ружья.

— Мокро везде, а он единственную сухую полоску занял,— говорит руководитель.— Что ж здесь помирать нам в сырости? Идемте, пугнем его!

— Э, э... Чорт проклятый! Пошел, пошел! — кричат руководитель и завхоз, приближаясь к медведю. Завхоз [illegible] кроме того, колотит кулаком в чайник.

Медведь садится на карачки, смотрит с полминуты, потом...

Потом неуклюже мчится прочь. Бежит, оглядывается и снова бежит. Только болотные брызги летят из-под его косматых лап. Мы занимаем медвежью территорию и кипятим чай.

Скверные места! Негде достать палок для палаток, и [illegible] кое-как, прикрепив их к скалистым камням.

25 июля, [illegible], преследуемые [illegible] мошек и комаров, продолжаем по западному склону Полярного Урала. Мы переезжаем две довольно крупных реки: [illegible] Западную Хамботеву, а [illegible] далее—Малую Западную Харуту.

Дует западный ветер, всегда приносящий на западном склоне дожди. Мы останавливаемся около кустарника, раскладываем костер и начинаем расседлывать лошадей.

В это время нас встречает новый молодой медведь. Он, как и вчерашний, ищет полевок. Он видит нас, но обращает мало внимания. Иногда подходит близко. Пугать его нечем: чайник ведь занят кипятком.

Рабочий Панкин смеется и говорит руководителю:

— Иди, сними его на карточку. Ты все снимаешь...

И, попивая чаек, вздыхает:

— А ведь приедешь в деревню—не поверят! Ей-бо, не поверят!.. Ходит, как корова на поскотине. И людей не боится... Эх, жалость какая, ружья-то нет!..

— Смотрите! Еще один! вскоре говорит завхоз.

Действительно, немного подальше бродит второй медведь.

— Иди чай пить!—кричим мы ему.

Опасаясь плохой погоды, мы направляемся обратно на восток. Войдя в узкое ущелье реки Харути, мы вынуждены двигаться, все время переходя с одного ее берега на другой.

Ущелье узко, склоны его круты, скалисты и часто обрываются прямо в реку.

Бурные потоки мешают переправам. Голова начинает кружиться, если посмотришь себе под ноги. [illegible], зигзагами поднимаемся по склонам вверх на горы, где идти оказывается не плохо, так как здесь преобладает травянистая тундра. Около полуночи натыкаемся на третьего медведя за эти сутки. Медведь быстро убегает от нас. Утром доходим до водораздела и спускаемся в долину реки Тумбуловой.

Чрезвычайная перемена в растительности показывает, что мы вступаем на восточный склон Полярного Урала. Вскоре перед нами уже выстраиваются лиственничные леса, и, вспоминая голый западный склон, мы разбиваем здесь лагерь и устанавливаем палатки.

[illegible] устилкой, все участники экспе-
[illegible] на базе [illegible] реке [illegible]
[illegible]

ГЛАВА XI

[illegible]

День на базе проходит так.

[illegible]

[illegible] нашнее меню.

[illegible]

[illegible] её съел.

[illegible]

[illegible] накомарники от комаров.

[illegible]

[illegible] покрылись зеленоватой плесенью.

[illegible]

[illegible] зоолог и топограф.

[illegible]

ках! Вот сиди на горе и жди, когда облако-то соблаговолит улететь с насиженного места.

Зоолог заряжает ружье и мечтает вслух:

— Неужели я опять не встречу ее?

— А вы слышали хотя бы ее голос? — спрашиваю [illegible]

— Эх, сколько раз! — вздыхает он. — Ведь она [illegible]ствует круглые сутки! Всю ночь где-нибудь на камнях [illegible] кричит. И так через каждые полчаса. На [illegible]

База на реке Лапте.

отзываться другие. Потом [illegible] хает!

В прошлом году [illegible] какую-то неведомую [illegible], в [illegible]

Зоологическим музеем [illegible] северных птицах, зверьках, [illegible] Восточной Сибири. [illegible]

Астроном переносит хронометры через реку.

в свежие неленки.

— Откуда я ее возьму? В Полярный Урал, милый, птица добрая не летит. Ей тут жрать нечего будет!

— Как с геологическими коллекциями быть?..—печалится завхоз. Очень уж они тянут! Все банки из-под масла забили камнями. Скоро и класть-то некуда будет.

— То ли дело мои грузы!— восхищается астроном, не покидающий днем лагерь. Мои коллекции!

И он вынимает из кармана две тоненькие записные книжки со своими наблюдениями.

— Это-то верно, но зато ваши хронометры...

Хронометры — чрезвычайно нежные создания. Они помещаются в мягких гнездах ящика, общим весом в 10 килограмм. Их нельзя возить на лошадях, и рабочие носят их за плечами.

— Точно воду в блюдце таскаешь, — сердится всегда рабочий, выслушивая наставления астронома. — Шагай ровнее, не тряси, а то расплескаешь... Выдумщики!..

Третьего августа северо-уральская экспедиция выступает на обследование южной части маршрута. Одним белым пятном на картах Полярного Урала стало меньше.

ГЛАВА XII

Итак, вторую половину скупого полярного лета экспедиция посвятила южной части маршрута.

Мы двигались отрядами вдоль восточного склона Большого Урала. Шли широкой долиной между Большим и Малым Уралом, придерживаясь верхнего предела лесов, где чаще гуляет ветер и потому меньше смертельно надоевших комаров.

К 10 августа леса плотной стеной встали перед нами и не хотели пускать нас в свои заповедные владения. Вьюки то и дело цеплялись за ветви деревьев и сбрасывались безжалостно на землю. Лошади хромали. Они звякали о камни подковами, потом совсем теряли их, сбивая себе копыта.

Новых подков у нас было сколько угодно, но завхоз забыл прихватить подковных гвоздей.

— Мне даже они во сне сейчас снятся! — с тоской признавался он.

— Лучше бы они приснились вам в Мужах! — говорили ему мы.

Вечером одиннадцатого мы остановились на реке Большая Харута. В сумерках развели костер и приготовились обедать. Неумолкаемый крик пищух раздавался вокруг. Зоолог то брался за ложку, то инстинктивно хватался за ружье. Вдруг одна из пищух, видимо самая смелая и любопытная, выскочила на близлежащий камень, озаренный ярким пламенем костра.

Ее резкий голос был прерван ружейным выстрелом. Все мигом смокло, только горы подхватили ружейный рев и эхом передавали его своим соседкам как последнюю неожиданную новость.

Зоолог, прижимая ружье, вскочил и ринулся к камню. Тотчас послышался его торжествующий клич:

— Убил!!

Он принес теплую еще пищуху и показал ее нам, не выпуская добычи из рук.

— Наконец-то!—в волнении шептал он и гладил ладонью мягкую шерсть пищухи.

— Ну-с! — сказали ему мы. — Исполнен долг, завещанный вам от Зоомузея. Теперь кушайте кашу!

— Нет. Я не хочу есть!—и он решительно отодвинул котелок с снегка подгоревшей кашей.—Я задержусь здесь и добуду еще пищух. Здесь их, видимо, очень, очень много!

Утром мы оставили зоолога на его временном бивуаке.

Прощаясь, он посмотрел прямо в глаза завхозу и сказал:

— Послушайте, нет ли у вас все-таки табачку? Ведь скучно так?

— Ей-богу, милый, нет! — сказал завхоз и даже сделал попытку вывернуть свои засаленные карманы.

Недостаток табака был истинным бедствием для курящих членов экспедиции. Истребив табак до крошки, они перешли на раскурку листьев и мха. Особенно отличился рабочий Панкин. Он изобрел какой-то удивительно крепкий ароматный табак. Все курили его и похваливали.

— Откуда вы достаете этот чудесный табачок?—интересовались курильщики.

— А вот,—указал Панкин на какие-то катышки, валявшиеся под ногами.

Лагерь на реке Хулге.

Чорт! — возмутился зоолог. — Да это же помет полярной куропатки!!

И, не докурив, бросил тлеющую цыгарку.

К 13 августа кончилась широкая долина [illegible] предгорья Северного Урала.

Осень не забывала нас. Ночью 13 августа пал первый серебристый иней. Вода в чайниках покрылась тонким льдистым слоем.

Наконец, 14 августа мы вступили в бассейн реки Ляпина двойное верховье которого известно под именем Хулги.

Ляпин был крайней точкой нашего маршрута. По Ляпину начальник и геолог должны будут спуститься на лодке вниз до селения Саран-наула и далее до города Березова.

Долина Хулги, куда мы вышли, была очень живописна Она узка и ограничена высокими габбровыми горами, украшенными внизу густыми зеленеющими лесами, а выше— разорванными островками ольховника.

Между тем как геолог и топограф подвигались дальше по восточному склону, а астроном занимался на Хулге, начальник, ботаник и завхоз работали в горах Северного Урала.

На вершине одной из самых высоких гор мы заметили какое-то странное грязно-белое пятно. В бинокль было отчетливо видно, что это не снег. Заинтересованные находкой, мы начали подниматься на гору. Над головами тревожно каркали вороны: вероятно, где-то поблизости находились их скрытые гнезда. Стаики горных куропаток совершенно безбоязненно порхали перед нами. Камнем мы убили одну куропатку.

Мы поднимались все выше и выше. Таинственное белое пятно, венчавшее вершину горы, то скрывалось, то вновь являлось перед глазами.

— Не кладбище ли это какой? — сказал ботаник

Тяжело дыша, мы старались ускорить свои шаги. Мелкие камни выкатывались из-под ног.

— Ба!.. наконец, громко воскликнули мы. Да это кажется...

На узенькой площадке вершины сверкал под солнцем скелет оленя. Как он попал сюда?

Может быть, в предсмертной тоске, отыскивая укромное местечко, с неимоверным трудом, спотыкаясь и падая, взобрался олень на эту гору. Оглядел потухающими глазами знакомое горное плато, изрезанное хрустальными речками,

в которых он не раз пил холодную воду. Взглянул на прошлогодний и свежий блистающий снег, покрывающий соседние вершины, и, стараясь запечатлеть все это в своей короткой памяти, вытянулся и издох...

20 августа близ перевала Хайма мы наткнулись на свежие следы оленеводов. А скоро, выйдя из ущелья, увидели большое стадо оленей, бродившее по склону горы. Трое пастухов — зыряне и самоед — сопровождали оленей.

Встреча с оленеводами.

Здравствуйте! — приветствовали мы [illegible]

— Здравствуйте! — на чистом русском [illegible] они.

[illegible] спросили мы.

— Нет! — сказали они, показывая [illegible] Хулга, а Сыня!

— Сыня?! Не может быть!!

Для нас это было очень неприятное известие. Надо было итти, значит, еще дальше, чтобы достигнуть в конце концов Хулги, иначе говоря, реки Лэпина. Мы остановились пока что у пастухов. Их стадо принадлежало богатому зырянину-оленеводу из Сени-кюлы. Пастухи жили в палатке, чум их хозяина стоял километрах в тридцати. Они обходились ма-

Оленеводы-пастухи в верховьях Хулги.

[illegible] пятили себе чай.

[illegible] ущелья, пастухи пошли к стаду.

— Мы больше и двигаемся за стадом! — на прощанье сказали они. Живем, как олени. Да потом и кричать надо.

— Зачем кричать?

— Отгонять волков. Много они давят оленей. Иногда два-три оленя в ночь, а зимой у них, то 21 оленей в ночь!

— Долго вы будете в горах?

— До начала сентября. Затем к чумам погоним стадо, там будем бить оленей, а со снегом пойдем в Сарай-пауп.

Палатка экспедиции в верховьях р. Хулги

А все-таки еще раз [illegible] мы,—это не Хулга?

— Нет! Это—Сыня! Сыня!—отвечали пастухи.

[illegible] этого разговора [illegible] отправления обратно к стоянке экспедиции [illegible] перевезти имевшуюся у нас лодочку [illegible] Она, поняли мы, уже [illegible] надлежать бассейну реки Ляпина.

Туманным утром ботаник покинул нас. Дорогой он заблудился, его едва не унесло течением при переправе через одну из рек. Всю ночь дрожал под проливным дождем. А в конце концов оказалось, что мы были правы. Река, по которой мы шли, и была на самом деле Хулгой, а не Сыней, как утверждали ошибочно наши короткие знакомцы-пастухи.

В это время начальник и завхоз с двумя наиболее надежными вьючными лошадьми отправились в верховье реки Грубею.

30 августа они увидели на берегу реки костер. Он еще дымился, и угли его краснели, покрываясь пеплом. Около костра в куче камней высился шест с тряпкой.

Под камнями нашлась малопонятная записка ботаника. Он сообщил, что лодку перебросили и геолог ждет начальника на следующей речке. Начальник тотчас пошел к следующей речке, но не нашел там и следов пребывания человека.

Поздно вечером, усталые и замерзшие после путешествия по горам, болотам и ледяной воде потоков, мы разбили палатку. Ночью, несмотря на защиту гор и леса, палатку едва не снес сильнейший западный ветер. Утром мы решили оставить поиски геолога и двинуться обратно к лагерю.

1 сентября прибыли в лагерь, но застали там только ботаника: завхоз и другие члены экспедиции ушли уже к лодкам, которые летом были оставлены на реке Сухой Сыне. Таким образом пришлось геологу одному плыть в лодке. Мы не боялись за него, потому что он был испытанным путешественником.

ГЛАВА XIII

— Послушайте! — тревожно сказал геолог завхозу, когда они стали приближаться к лодкам и складу. — Здесь что-то неладное?!

Точно ураган пронесся над складом. Аккуратно сложенные вещи, покрытые брезентом, были раскиданы и разбросаны. Брезент сорван, кусок из него хищнически выдран.

— Да это медведь здесь был!! —воскликнул завхоз.

— Эх,—печально сказал зырянин Филипп. - Не помогла и моя веревочная ограда! Не побоялся он ее!

Кругом валялись жестяные банки, вся поляна была усеяна гербарной бумагой. Слабый ветерок шелестел серыми листиками, слегка уже почерневшими от дождя.

— И ящики все разбиты!—в отчаянии разводил руками завхоз.—Будь он проклят, мерзавец, разорвал когтями жестяные банки и аккуратно их вылизал!. Смотрите, лучше всякой кухарки вымыл их языком!

Только банки, наполненные кусками колотого сахара, остались нетронутыми. Видимо, медведь, сжалив их лапами, испугался, услышав, как загремел сахар.

- Да не ходите вы там! -закричал завхоз на рабочих. Крупа жи[illegible] песком ее смешал!

— Мои шкурки, мои шкурки!..—жалобно повторял зоолог, находя там и сям свои [illegible]

Медведю вероятно, хотелось [illegible] его. Он разбил стеклянные банки со спиртом, [illegible] и даже слизал спирт со шкурок, которые сохранились в банках.

— Это похоже на тщательный обыск, — сказал завхоз. Но правосудие восторжествовало! Это ему не прошло даром. Он катался, вырывал с корнем мох ..

Мох повсюду был выдран, а под одним [illegible] мох и трава оказались сильно примятыми [illegible], медведь долго лежал, очухиваясь после спирта и [illegible].

— Нет ли где его трупа? -заинтересовался зоолог. Он осмотрел все окрестности, но медведь, [illegible] ушел во-свояси опохмеляться ягодами...

В итоге этого разгрома наше продовольствие, и без того очень оскудевшее, сильно уменьшилось. Кроме того

погибли почти все зоологические и ботанические коллекции, собранные на реке Сыне...

ГЛАВА XIV

Наступала осень.

3 сентября вся экспедиция, за исключением Гольда, отправившегося все-таки по реке Лишину, поднялась к лодкам. Астроном с одним рабочим в маленькой лодке арендованной летом у остяка в юрте Ай-баш-горе, должен вниз по Сыне, чтобы слиться астрономическими наблюдениями.

Вечером 4 сентября мы услышали крики остяков. Их караван тянулся по склону горы. Они уже начали кочевать с гор в юрты.

Остяки с реки Сыни обычно идут по перевалу Кокпала, проводит странное комарное время в горах, а затем, когда спадает комар, в начале сентября возвращаются обратно.

Холодная погода последних дней сильно сократила таяние снегов в горах, и река Сыня резко обмелела. В некоторых тихих заводях утрами уже поблескивал лед толщиной в полсантиметра. Горы поблекли. Их нарядные зеленые вершины превратились в буро-красные, главным образом благодаря полярной березке, которая, увядая на долгую зиму, ярко краснеет.

Астроном с рабочим

Восьмого сентября мы наблюдали первое северное сияние.

Темная ночь. Ясное небо. И вдруг в северной части его вспыхивают зеленовато-бледные пятна. Они сверкают и тухнут, то опять сливаются в один колыхающийся занавес. Сияние было довольно слабое: сквозь него туманно просвечивали далекие звезды.

Экспедиция разделилась на два отряда: один с главным грузом должен был спуститься по Сыне на большой лодке, второй — конный — отправился сухим путем по берегу.

Тяжелую лодку приходилось сплошь и рядом тащить на руках, бредя по колена в неимоверно холодной воде. Сапоги у нас сильно износились. Некоторые сменяли уже третью пару. И все-таки даже частые ледяные ванны никак не отзывались на нашем здоровье. Настолько был чист полярный воздух, лишенный всяких вредоносных бактерий.

Иногда нам доводилось разгружать лодку, порою нам помогали тащить ее бечевой лошади.

Мало-по-малу перекаты как будто бы делались глубже. Впрочем, мы почти постоянно слышали, как лодка чиркала и царапалась дном о мелкие камни. Течение крепло, помогая веслам. Только править было очень трудно. Перегруженная лодка несла на себе горб вещей, и из-за него ничего не было видно рулевому.

12 сентября во время перехода через один перекат лодка неожиданно ударилась и застряла между подводными камнями.

Топограф, спасая из багажа у мачты, [illegible] ку, [illegible] упал. Его записная книжка, раскрывшись, весело полетела вниз по течению. Мы попробовали повернуть лодку шестами, но она накренилась, и вода хлынула через край, мигом затопив всю лодку.

Мы выскочили из лодки, едва удерживаясь на ногах от бьющим могучим течением. Лодка прочно сидела в камнях. Мы стояли на средине реки, держась за борта лодки,

лась поверх бортов.

и тягостно-холодной воде.

Разгрузка лодки на пороге.

стив реку Сыню.

титься с ними в юртах Еврей-горт.

лели. Порох, мука промокли. Приходилось торопиться, так как продовольствия почти не было уже совсем. Из остатков муки варили болтушку. Лодку вытащили на берег и нашли в ее гладко отполированном камнями дне большую рану — прокол.

14 сентября достигли юрт Евреи-горт. Там забрали с лошадей переданный им груз и пошли вниз, приближаясь к устью реки Сыни. Во встречных юртах пустынных летом, теперь кипела жизнь.

Появились хозяева-остяки, пришли зыряне для приобретения рыбы. Повсюду на берегах стояли чумы около лодок с берестяными крышами, и шел рыбный торг. Даже мелькнул паровой катер, прибежавший в факторию юрт Ов-горт за рыбой. Остяки приходили к нам и расспрашивали о состоянии стад на Урале. Большинство из них имеют небольшое количество оленей, которые пасутся в сборных стадах. Остяк, обладающий 150 оленями, считается здесь богатым.

Мы не узнавали старые места. Весною все было залито водой. Нынче сора обмелели, а леса стояли на заметно выросших берегах.

В 6 часов вечера 18 сентября мы прибыли в село Мужи, где застали конную партию и астронома. Геолог же благополучно спустился по Ляпину до Саран-паула и далее по реке Сосве до города Березова.

Дождавшись парохода, 8 октября мы дотянулись до Тобольска, а в конце месяца в разные сроки приехали в Ленинград.

Каковы же были итоги этой богатой несчастьями и приключениями экспедиции?

Несмотря на гибель некоторых коллекций, мы все-таки вывезли ботанические, зоологические и геологические сборы. Мы изучили эту неведомую и неизвестную дотоле страну. Теперь мы знаем высоту ее гор и виды ее горных пород. Нам ведом ее растительный и животный мир, а также и быт туземцев, скупо населяющих Полярный Урал...

≈ 14,50 ~